

Стаття надійшла до редакції 28 березня 2013 р.

K. G. Sardaryan

THE ART OF IRYNA ZHYLENKO AS A CULTURAL PHENOMENON

This article is devoted studying art heritage of famous Ukrainian poetess - Irin Zhylenko. Attempt of general characteristics is given of Irina Zhylenko's art as a cultural phenomenon.

Keywords: *literary portrait, thematic orientation, style, motives, imagery, «otherness of world reproduction».*

УДК 82.0: 821.161.1

К. А. Титянин, И. Н. Мельничук

**НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ФИГУРУ ИНОСТРАНЦА В
РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Автор статьи описывает соотношение нарратологических «точек зрения» на иностранца в романах Достоевского. Рассматриваются в статье только идеологическая и перцептивная точки зрения. Анализ показал, что идеология почвенничества (славянофильства) может охватывать обе эти содержательные сферы.

Ключевые слова: *нарратор, почвенничество, иностранец, Ф. М. Достоевский.*

Проблемы национального самосознания в творчестве Достоевского в последние два десятилетия становятся предметом активного интереса литературоведов. При этом образ иностранца (а также простое упоминание о нем; все, что содержательно связано с его фигурой) в его произведениях может использоваться как своеобразный инструмент для уяснения национального образа мира, так как по отношению к чужеземцу можно судить о национальных приоритетах писателя, о его идеологии вообще. Примерно в таком плане (и в разных аспектах) иностранцы у Достоевского предстают в работах В. Габдуллиной [1], М. Гиголашвили [2], Б. Тарасова [5], Я. Углика [7]. Причем авторы эти признают, что тема далеко не исчерпана. В общем плане это определяет **актуальность** и нашего обращения к этой теме. Заметив, что восприятие иностранца может зависеть еще и от места и роли в повествовательной структуре произведения, и то, что обычно этого не принимают во внимание или ограничиваются лишь попутными замечаниями, мы **цель** нашей статьи видим в описании повествовательных точек зрения на образ иностранца. Более конкретно, задача данной статьи состоит в том, чтобы выявить роль идеологической и перцептивной точек зрения при восприятии фигуры иностранца. Такой подход – одна из форм объективирования всего, что связано с национальной проблематикой в творчестве Достоевского, отношение к которой подчас не свободно от чувства национальной ущемленности (например, в статье Я. Углика [7]).

Точка зрения в нарратологическом смысле – это совокупность условий, влияющих на восприятие и передачу повествуемых «событий», пишет В. Шмид [10, с. 121]. Принято считать, что нарратор может занимать либо собственную позицию, условно стоя вне излагаемых событий, либо принимать позицию персонажа, как бы входя в его внутренний мир. Особенно важна в нашем случае позиция «автора» (тут и далее кавычки для слова *автор* означают его использование в качестве

нарратологического термина). Понятие это в нарратологии относится не к повествователю и не к реальной исторической личности, создавшей произведение. Не является «автор» также «инстанцией, отправляющей сообщение» [10, с. 56], поэтому не удивительно, что в нарратологии его определяют как «абстрактного автора» [10, с. 56, 48-57, 76-77]. Это последнее понятие, казалось бы, строго выверено нарратологами, и все же оно уязвимо, ведь даже это, «абстрактное» авторство проявляется в том, что придает конечную смысловую установку всему в произведении, от него зависит «изображаемость нарратора, его текста и выражаемых в нем значений» [10, с. 56]. Это означает, что «автор» («абстрактный автор») – понятие, которое не может не выходить за рамки ограничений, налагаемых нарратологической установкой на изучение повествования как такового.

В нашем случае, то есть по отношению к Достоевскому, это важно потому, что «автор» как раз и проявляет себя и в прямых высказываниях в качестве реально-биографического лица (в таких, например, текстах, как «Дневник писателя»), и как «автор» вымышленных произведений, где он ощутим в плане его «эстетико-метафизических воззрений» [8, с. 239]. Все «иностранное» для Достоевского-«автора», как и для всякого автора, может обладать определенной социально-бытовой характерностью, но в контексте почвеннических идей писателя, оформившихся примерно к началу 60-х годов девятнадцатого века, «иностранное» становится у него еще и идеологически значимым признаком.

Роман «Униженные и оскорбленные», хотя и написан в 1861 году, но иностранцы в нем еще не выделены в этом, значимом для Достоевского, идеологическом плане. Например, англичанин Иеремия Смит, дед Нелли, важен для нарратора (Ивана Петровича) просто как человек, имеющий прямое отношение к описываемой истории. Его принадлежность к иностранцам имеет только тот смысл, что корни рассказываемой истории идут за пределы основного пространства романа – Петербурга. Правда, значимой может показаться таинственность этого героя. Таким он предстает в предощущениях нарратора: при случайной встрече с ним он «тотчас почувствовал, что в тот же вечер со мной случится что-то не совсем обыденное» [2, т. 3, с. 188], а также в окружении соседей, которые о нем «почти ничего не знали», кроме того, что Смит был «из иностранцев, но русский подданный» [2, т. 3, с. 191]. Но таинственен Смит не потому, что он «иностранец», а лишь из-за того, что не проясненной пока остается роль, которую он будет играть в рассказываемой истории. Есть в романе и другие упоминания об «иностранцах». Князь Валковский высказывает мнение о немцах вообще, опираясь на национальный стереотип. Таков у него немец-философ, «дурак» в его оценке («какой-то» «дурак философ (без сомнения, немец)» <...> зафилософствовался до того, что разрушил всё, всё, даже законность всех нормальных и естественных обязанностей человеческих, и дошел до того, что ничего у него не осталось; остался в итоге нуль, вот он и провозгласил, что в жизни самое лучшее – синильная кислота» [2, т. 3, с. 412]. А другой персонаж «Униженных и оскорбленных» Маслобоев использует стереотип немца-романтика. У него это «влюбленный <...> идеальный человек, братец Шиллеру, поэт, в то же время купец, молодой мечтатель, одним словом – вполне немец» [2, т. 3, с. 372]. Да и нарратор примерно в таком же ключе говорит о немце добряке-докторе. Правда, тут есть особенность подачи его «немецкости». Иван Петрович сообщает вначале о том, что он «знал одного доктора, холостого и добродушного старичка, с незапамятных времен жившего у Владимирской вдвоем со своей экономкой-немкой» [2, т. 3, с. 231], и в этом первом упоминании о нем не сказано, что он немец. То есть, принадлежность к немцам (иностранцам вообще) не является тут признаком, по которому определяют человека в целом. При этом национальная принадлежность в характеристике человека вовсе не отбрасывается

(«экономка-немка» – как раз такое именование, да и доктор впоследствии назван «добрейшим из всех немецких людей в Петербурге»), но она оказывается характеристикой не первостепенной важности, вторичной. Более важны черты, так сказать, общечеловеческие: «добродушие», «холостное» положение, а не национальная выделенность.

Ясно, что такая принадлежность к иностранцам еще не имеет идеологических коннотаций, специфических для «автора», то есть, для Достоевского-почвенника.

Иное дело иностранцы в романе «Игрок». В подходе к ним повествователь подчеркнуто идеологичен. Заметим, что идеологическая точка зрения в нарратологии имеет особый статус: само ее выделение из числа других повествовательных точек зрения может казаться проблематичным. В. Шмид справедливо отмечает, что препятствует этому многоаспектность понятия «идеологическое» и трудность его отделения от других точек зрения [10, с. 123-124]. Но в принципе возможность существования прямых экспликаций идей (ценностей) все же допустима, и они как бы независимы от языковой, пространственно-временной повествовательных точек зрения. Как раз такой случай и можно отметить в романе «Игрок». Алексей Иванович в этом романе – диегетический нарратор, то есть выступает и в роли повествующего «я» и в роли персонажа, о котором ведется повествование. Обычно такой нарратор ограничен в своем знании [10, с. 95], но именно его глазами даны иностранцы (немцы) в подчеркнуто идеологическом плане. Когда он «за обедом» в гостинице, в кругу своих знакомых, но с оглядкой на всех участников табльдота, которые относятся к разным национальностям, говорит о «немецком способе накопления богатств», то стремится представить очень общую категорию – «катехизис добродетелей и достоинств цивилизованного западного человека» [2, т. 5, с. 255], как он выразился. При таком широком обобщении «немца» в его высказывании правильно считать иностранцем вообще («немым», не говорящим по-русски). При этом Алексей Иванович еще и не хочет, чтобы его слова воспринимались как чисто субъективное обобщение и ссылается на опыт, собственный опыт, достоверность которого не берется окружающими под сомнение потому, что они, как можно понять из контекста, принимают Алексея Ивановича за человека своего круга, которому незачем лгать. Всякая немецкая семья, утверждает он, «в полнейшем рабстве и повиновении у фатера. Все работают, как волы, и все копят деньги, как жида. Положим, фатер скопил уже столько-то гульденов и рассчитывает на старшего сына, чтобы ему ремесло аль землишку передать; для этого дочери приданого не дают, и она остается в девках. Для этого же младшего сына продают в кабалу аль в солдаты и деньги приобщают к домашнему капиталу. Право, это здесь делается; я расспрашивал. Всё это делается не иначе, как от честности, от усиленной честности, до того, что и младший проданный сын верует, что его не иначе, как от честности, продали, – а уж это идеал, когда сама жертва радуется, что ее на заклятие ведут» «Ей-богу, не хочу таких добродетелей!» [2, т. 5, с. 277].

Достоевский-«автор» почти в таком же тоне говорит о преобладании миропонимания собственников в Европе. Лавочники-собственники, по его словам, уже достигли почти полного господства в обществе, а рабочие и крестьяне – те же «собственники в душе» [2, т. 5, с. 83]. Но в «Игроке» идеологическая значимость всего сказанного Алексеем Ивановичем ставится («автором») еще и в прямую зависимость от внутренних мотивов человека, произносящего все эти рассуждения. Нарратор (Алексей Иванович) с первых же страниц романа прямо указывает на первостепенную важность для него любовных отношений с Полиной, с которой ему, как он говорит, «надо объясниться. Много накопилось» [2, т. 5, с. 297]. Во время обеда, когда происходил приведенный выше разговор, Алексей Иванович «изредка взглядывал на Полину», но она «совершенно не примечала меня. Кончилось тем, что я разозлился и

решился грубить». Именно поэтому он и «ввязывается в чужой разговор», о цели которого тоже говорит вполне определенно: «Мне, главное, хотелось поругаться с французиком» [2, т. 5, с. 215], то есть с Де-Грие, в котором он подозревает любовника Полины («думал, что он давно сватается» к Полине) [2, т. 13, с. 216].

Снимает ли все это идеологическую значимость слов Алексея Ивановича? В его идеологическом поле – да. Но какова же тут роль Достоевского-«автора»? Она может быть понята таким образом: «автор» все делает для того, чтобы уклониться от подчеркивания собственно идеологической значимости произнесенного Алексеем Ивановичем, но вместе с тем, идеи эти как бы повисают без ценностной поддержки нарратора, изолируются в тексте и тем самым становятся более заметными. В этом и сказывается роль «автора», а на нарратологическом уровне – в этом процессе проявляется общая тенденция диегетического рассказа к перерастанию в рассказ недиегетический [10, с. 95], или, другими словами, таким образом возрастает роль всеведущего недиегетического нарратора, всеведение которого сродни знанию «автора» о мире произведения.

Приведем еще примеры того, как Достоевский-«автор» уклоняется от придания прямой значимости важным для него идеологическим положениям. В романе «Идиот» Евгений Павлович Радомский говорит о русской национальной специфике и делает это с оглядкой на национальную природу европейских народов, так что все иностранное выступает в этом случае как точка отсчета. Так, Евгений Павлович заявляет, что в русской литературе только Ломоносову, Пушкину и Гоголю «удалось сказать каждому нечто действительно свое, свое собственное, ни у кого не заимствованное» и «тем самым эти трое и стали тотчас национальными. Кто из русских людей скажет, напишет или сделает что-нибудь свое, свое неотъемлемое и незаимствованное, тот неминуемо становится национальным, хотя бы он и по-русски плохо говорил. Это для меня аксиома» [2, т. 8, с. 459]. Для Достоевского-«автора» это тоже аксиома, он тоже в «Дневнике писателя» за 1877 год говорил о необходимости «стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится» [2, т. 25, с. 21].

Сказано почти то же самое (а по сути, то же самое, если учесть все высказывания Достоевского в «Дневнике писателя» на эту тему), однако мотивы произнесения этих слов Радомским таковы, что они могут быть полностью обесценены. Нарратора, Евгения Павловича «выдавал» его тон: говорил он «как будто с необыкновенным увлечением и жаром и в то же время чуть не смеясь, может быть, над своими же собственными словами». Волей «автора» (а он тот, кто «изображает» нарратора) тут задано сложное соотношение между его собственными словами, словами персонажа и корректирующим комментарием нарратора.

Такого же плана подчеркнуто идеологическое высказывание Шатова из «Бесов». Он упрекает русских либералов за то, что они «просмотрели» свой народ: вы, говорит он, «с омерзительным презрением к нему относились, уж по тому одному, что под народом вы воображали себе один только французский народ, да и то одних парижан, и стыдились, что русский народ не таков. И это голая правда! А у кого нет народа, у того нет и бога!» [2, т. 10, с. 327]. Почти то же говорит и «автор» в Дневнике писателя за 1873 год «К русскому народу они (русские либералы и Герцен) питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал

народа» [2, т. 21, с. 9].

Между тем, Шатов дан повествователем («хроникером») как человек, не соответствующий своей идее. Шатов, говорит он, был одним «из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и на половину совсем уже раздавившим их камнем» [2, т. 10, с. 11]. Да и вообще, хроникер в романе не ведет к ясным и определенным оценкам. Как заметил М. Йованович, «в фабуле романа установка на недоверность является основополагающим принципом повествования, предполагающим дополнительную «работу» читателя по постижению «тайн» авторского замысла» [11, с. 5].

Во всех этих случаях «автор» уклоняется от придания прямой значимости важным для него идеологическим положениям, для них ему нужно эстетическое опосредование. И описанные нами выше случаи – формы такого опосредования. Объясняет эти формы (отчасти) и механизм пародирования, описанный Ю. Н. Тыняновым у Достоевского, и диалогизм художественной системы Достоевского в трактовке М. М. Бахтина. Речь идет о том, что Достоевский для достижения пародийного эффекта мог, по словам Тынянова, переносить даже «трагические черты» из собственной жизни «в произведения, иногда резко меняя их эмоциональную окраску» [6, с. 215]. То есть, писатель при этом шел на риск для достижения эстетического опосредования. А в описанных нами случаях он рискует иначе: доверяет дорогие ему мысли «сомнительным» персонажам. Этим же целям могла служить и установка на самый широкий диалог сознаний в поэтике Достоевского.

Обратимся теперь к иностранцам, существующим не в идеологическом, а в как бы нейтральном, перцептивном поле, чтобы понять, меняется ли при этом отношение к иностранцу. Из-за обилия материала тут придется ограничиться показательными примерами. Оговоримся вначале, что среди повествовательных точек зрения перцептивный план – это использование персонажа в качестве призмы восприятия, учет того, чьими глазами нарратор смотрит на события и кто отвечает за выбор тех, а не других деталей при изображении [10, с. 125-126].

На первичном уровне тут – простые информирующие упоминания в речи персонажей об иностранцах как о части русского бытового контекста. Например, Лужин упоминает о «бесчеловечной» немке Ресслих, а Катерина Ивановна – о «почтенном» французе «старичке Манго» («Преступление и наказание»). Их оценки относятся к индивидуальным качествам, а не родовым (национальным). Иностранцы эти никак более не характеризуются и составляют пассивный (относительно) культурный фон, примерно с такой же функцией, как у описанных выше иностранцев из «Униженных и оскорбленных».

Специфика же ощутима при взаимодействии уровней нарратора и персонажа. Приведем такой пример. Когда Птицын из романа «Идиот», умный и уравновешенный ростовщик, рассказывает о тех, кто доставал Рогожину деньги (сто тысяч для Настасьи Филипповны), то он тоже нейтрально информирует об этих людях, давая необходимый в этом случае перечень: «работают многие, Киндер, Трепалов, Бискуп; проценты дает какие угодно» [2, т. 8, с. 101]. Но когда нарратор через одну главку упоминает об этих людях уже со своей позиции (он описывает действия Рогожина), то у него русская фамилия Трепалов исчезает из этого перечня, и оставшаяся пара предстает как некие обобщенные еврей-ростовщики: Рогожин «провел всё время, с пяти часов пополудни вплоть до одиннадцати, в бесконечной тоске и тревоге, возясь с Киндерами и Бискупами, которые тоже чуть с ума не сошли, мечась как угорелые по его

надобности» [2, т. 8, с. 104]. Этот пропуск русской фамилии – значимое явление: для Достоевского-«автора», который считал, что евреи образуют своего рода «государство в государстве», он не мог быть случайным (заметим, что евреи в этом плане предстают тоже как своего рода иностранцы в художественно-идеологической системе Достоевского). Нарратор тут уже занимает (имплицитно) идеологическую позицию. Права была Т. В. Мийиферьян, называя повествователя в «Идиоте» «личным» [12, с. 368], подчеркивая этим его близость с Достоевским-«автором».

Все это позволяет в итоге отметить, что способ изображения иностранца в перцептивном плане либо не противоречит идеологическому, почвенническому видению иностранца Достоевским-«автором», либо согласуется с ним.

Список использованной литературы

1. Габдуллина В. Испытание Европой: роман Ф. М. Достоевского «Игрок» / В. Габдуллина // Вестник ТГУ: Филология. – 2008. – № 314. – С. 13-18.
2. Гиголашвили М. Немцы в изображении Достоевского (заметки) [Электронный ресурс] / М. Гиголашвили // Топос. Литературно-философский журнал, 25. 03. 2011. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/7629>.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990.
4. Миллионщикова Т.М. Почвенничество//Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – С. 776-778.
5. Тарасов Б. Две Европы Достоевского: Европа вторая //Литературная учеба. 1995. – С. 113-131.
6. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино/отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников. – М.: Наука, 1977. – С. 198-226.
7. Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Я. Углик // Toronto Slavic Quarterly. – № 37. – 2011. – С. 135-149. – Режим доступа: http://www.utoronto.ca/tsq/37/tsq37_uglik.pdf.
8. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
9. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого / А.П. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – 317 с.
10. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры. – 2003. – 312 с. – (Studia philologica).
11. Jovanovic M. Техника романа тайн в Бесах [Электронный ресурс] / M. Jovanovic // Dostoevsky studies V. 5. – 1984. – Р. 4-36. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/05/003.shtml>.
12. Mijiferjyan T. V. Образ повествователя в структуре романа «Идиот» / T. V. Mijiferjyan // Facta Universitatis. – Series Linguistics and Literature. – V. 2. – № 10. – 2003. – Р. 367-373.

Стаття надійшла до редакції 1 квітня 2013 р.

К. О. Тітянін, І. М. Мельничук

НАРАТОЛОГІЧНІ ТОЧКИ ЗОРУ НА ФІГУРУ ІНОЗЕМЦЯ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО

Автор статті описує співвідношення нарратологічних «точок зору» на іноземця в романах Ф. М. Достоевського. Розглядаються в статті тільки ідеологічна і перцептивна точки зору. Аналіз показав, що ідеологія ґрунтознавства (слов'янофільства) може охоплювати обидві ці змістовні сфери.

Ключові слова: *наратор, ґрунтознавство, іноземець, Ф. М. Достоевський.*

K. O. Titianin, I. M. Melnychuk

**NARRATOR'S VIEWPOINTS ON THE FOREIGNERS' FIGURES IN THE
NOVELS OF F. DOSTOEVSKY**

The author describes the relationship narrator's «view points» on the foreigner in the novels of Dostoevsky only ideological and perceptual view points are discussed in the article. The analysis showed that the ideology of pochvennichestvo (Slavophilism) can cover both content hemispheres.

Keywords: *narrator, pochvennichestvo, foreigner, F. M. Dostoevsky.*

УДК 821.161.2–32.09 "189/191" (045)

М. М. Хорошков

**АКСІОЛОГІЧНИЙ ДИСКУРС УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ
І ПУБЛІЦИСТИКИ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.**

У статті здійснено спробу аналізу основних ціннісних орієнтирів українського літературно-критичного та публіцистичного дискурсу другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Автор зупиняється на осмисленні статей і розвідок М. Драгоманова, Б. Грінченка, І. Нечуя-Левицького, І. Франка, П. Грабовського, А. Кримського та інших представників літературної критики крізь призму особливостей функціонування аксіологічного дискурсу і аксіологічних стратегій, формування категорій та критеріїв оцінки літературно-мистецьких творів.

Ключові слова: *дискурс, літературно-критичний дискурс, дискурсивна практика, аксіологічний дискурс.*

Останнім часом актуальності набуває дискурсивний аналіз історії літератури з урахуванням як власне літературно-мистецьких явищ (художній текст, мистецький процес), так і літературної критики й публіцистики. Останні виступають не лише способами опису фактів і явищ мистецтва слова, але й утворюють певні різновиди дискурсивних практик, спрямованих на формування в суспільстві ціннісних категорій і критерії оцінювання літератури. Словом, літературна критика й публіцистика (статті, нариси, рецензії, есеї, розвідки, монографії тощо) виступають тими елементами дискурсу, які забезпечують суспільну рецепцію мистецтва, включають його в систему культури соціуму.

Окрім того, варто пам'ятати, що дискурсивний аналіз історії літератури так чи інакше обумовлений певними аксіологічними стратегіями – категоріями, способами, критеріями оцінювання. Здійснюючи пізнання дискурсу, ми неодмінно даємо йому оцінку – висловлюємо власне ставлення і розуміння. Маємо справу, отже, з історично змінним оцінним дискурсом, який визначає інтерпретаційне поле культури, горизонт сприйняття мистецьких явищ.

Метою статті, отже, є бодай побіжно окреслити контури аксіологічного дискурсу вітчизняної літературної критики та публіцистики другої половини ХІХ – початку ХХ ст., представленої текстами М. Драгоманова, Б. Грінченка, І. Нечуя-Левицького, П. Грабовського, І. Франка, С. Єфремова, А. Кримського, О. Маковея, М. Євшана, А. Товкачевського та інших представників літературно-мистецького процесу означеного періоду, визначити базові критерії оцінки витворів мистецтва, способи і